

ЮРИЙ ШОРОХОВ

**ТАКАЯ РАЗНАЯ
ВОЙНА**

Юрий Шорохов

Такая разная война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70331506

SelfPub; 2024

Аннотация

В этой книге собраны рассказы, воспоминания о Великой Отечественной войне ветеранов-фронтовиков, воевавших в разные годы, в разных войсках и на разных фронтах. Их героизм в те времена был обыденным, почти ежедневным явлением, и только благодаря этому они победили, одолели грозного врага. Война – это всегда великое человеческое горе и слёзы, многие реальные её картинки воспринимаются с внутренним содроганием. Но что было – то было, и наш священный долг помнить об этом! Фото для обложки книги взято из личных архивов автора.

Юрий Шорохов

Такая разная война

В огненном кольце

Судьба свела меня с этим человеком больше двадцати лет назад. Ныне нет в живых ни героя моего рассказа, ни его верной спутницы жизни. Но моя память о них, как и обо всех людях военного лихолетья, с кем я когда-либо встречался, жива по-прежнему. Их воспоминания пронзительны, слова как будто обжигают огнём. Всё, что они пережили, через что прошли – с трудом поддаётся осмыслению и выражению в словах. Земной им поклон! Сегодня мой рассказ о Сергее Александровиче Колесове... Медленно отступит чуткий предрассветный сон, и отзовется тупой ноющей болью плечо, некогда пробитое пулей гитлеровца. Чиркнет спичка, выхватит на мгновение из сумрака скромное убранство деревенского дома, и по знакомой комнате вместе с горьковатым дымком «Примы» проплывут воспоминания. О том далёком времени, о фронтовой своей юности. И уже не ветер за окошком перебирает струны проводов – слышен отдалённый гул тяжёлых бомбардировщиков врага, что несут свой смертоносный груз в осаждённый и израненный, но непокорённый город. Ранний ли грузовик громыхнёт железным кузовом на дорожных колдобинах – или это лязганье траков в гусеницах «Тигра», в землю вминающего нашу «сорокопятку» вместе с

расчётом, бившимся до последнего снаряда? И бьёт в ноздри знакомый острый запах пороховой гари, смешанный с вонью горящего тротила. Грязь, копоть... Плынут видения. С фотографической точностью они фиксируют картины более чем полувековой давности. Память человеческая, как ты жестока! Но кто был там, тот обречён пить её горькую чашу до конца своих дней. Труженики войны... Сергей Александрович Колесов с супругой Валентиной Фёдоровной живут в Пусто-рамень вместе вот уже 30 лет. Пенсионеры оба, инвалиды. Но это сейчас. А раньше! У Валентины Фёдоровны, например, 53 года трудового стажа. За добросовестное отношение к работе и высокие производственные показатели – три правительственные награды СССР и целый ворох почётных грамот. Сергей Александрович – ветеран Великой Отечественной войны. Гвардеец. Четыре ранения. Победу встретил на территории Германии. А ещё в его фронтовой судьбе была блокада. Два года четыре месяца и 21 день фашисты держали в огненном кольце Ленинград. Холод и голод лютый. Четыреста граммов хлеба – это дневная норма питания бойца Красной Армии в осаждённом городе, а про гражданское население и говорить нечего. Крохи. Люди ели траву, листья, собак и кошек. Появились случаи каннибализма. И трупы, трупы везде – на улицах, площадях и в скверах. Их никто и не убирал потом. Просто некому было это делать... Вздрагивает голос, рука тянется за очередной сигаретой. Человеку, прошедшему через всю блокаду и своими глазами видевше-

му её ужасы, мучителен этот рассказ. Сергей Александрович тщательно подбирает слова. И паузы – все длиннее...

– Попытки к прорыву блокады Ленинграда нашим командованием предпринимались неоднократно. Одна из них – это Невская Дубровка. Знаменитый Невский пятачок. Это было зимой 1942 года. Наше наступление началось с мощнейшей артподготовки. Заснеженное поле на противоположном берегу Невы превратилось в пашню. Черное! Ни единого белого островка. Все перемешалось с землей. В том месте Нева делает своеобразную излучину. Наш берег пологий, очень плавно переходит на лёд. А немецкий берег – крутой подъем. Вроде как высотка получается. И у них на берегу здание ГЭС. Вернее, то, что от него осталось. Гора битого кирпича и камней. Немцы в её подвалах огневые точки оборудовали. Удобное место. Наши позиции у них как на ладони. Но вот пошла наша пехота, пошла по невскому льду скорым маршем к немецкому берегу. Следом двинулись и мы, артиллеристы. Я тогда был командиром орудия. Тащили свою «сорокапятку» силами орудийного расчета. А немцы пришли в себя и открыли плотный заградительный огонь. Из пушек и пулеметов лупят. Пули дождем сыплются, на льду снаряды рвутся – большущие полыньи получаются. Страшно вспомнить, сколько тогда наших полегло. Ну, мы свою «сорокапятку» до другого берега дотащили, а подняться на него не можем. Слишком крутой подъём, у нас силёнок не хватает. Зря, выходит, старались. Оставили пушку внизу, сами –

в горку! Тогда нам удалось захватить участок 300-400 метров на немецком берегу. До самого снятия блокады он был нашим, этот самый Невский пятачок. В том бою я был ранен, а при переходе через реку погиб мой наводчик Симонов. Где и как это случилось – в той суматохе под обстрелом никто из нас так и не заметил... 1943 год. Синявинские болота. Очередная попытка прорыва блокады Ленинграда, и наша дивизия идет первым эшелоном. Там я увидел «работу» наших гвардейских минометов – «катюш». Не зря немцы их боялись, как огня. Это и был огонь. От термитных снарядов горело всё: и земля, и камни. На болоте окопа не выроешь – водичка-то вот она! И мы резали дёрн и выкладывали из этих пластов своеобразные стены. Фашины. Длинные – предлинные. Пуля их не брала, поэтому какое-никакое, а укрытие. Лучше, чем ничего. Немцы точно таких же понастроили... Готовимся к наступлению, идет артподготовка. Долбим из пушек по немецким «стенкам». Приказ – пошли вперед. Снова пушку на себе тащим. Жижа, грязь и огромные кочки. Одно слово – болото. Я говорю своим: «Пойду, мол, вперед. Выберу огневую позицию поудобнее». С карабином в руках добежал до немецких фашин, до их остатков. Смотрю, пулемётное гнездо, развороченное миной или снарядом. Перекрытие рухнуло и развалилось. Фриц сидит у стенки, ноги бревном передавило, на коленях – автомат. Глаза закрыты. Второй рядом лежит лицом вниз, в луже. Подумал я, что они оба мертвы. Вдруг тот, что сидел, глаза открывает. И туг же

закрывает вновь. Я стою рядом, ствол карабина смотрит ему в сердце. Добить его хотел сначала, да подумалось, что он уж больше не вояка. В лучшем случае пленный, а то и вовсе окочурится от ран еще до прихода наших. Побежал я дальше, оставил его. Два десятка метров успел отойти, как хлопнул выстрел. И тут же – сильный толчок в спину. Я упал. Боли не чувствую, но спине стало горячо и сыро. Попробовал подняться – правую руку пронзила боль. Как раскалённая игла... Больше месяца я в госпитале провалялся. Пуля, которой меня тот немец угостил после того, как я его пожалел, оказалась разрывной. На мне была скатка из плащ-палатки, так она оказалась словно топором перерублена! И в спине справа возле лопатки дыра порядочная образовалась. Хорошо хоть кости не задело. Повезло. А в госпитале врач девчонка молоденькая, еврейка, рану мою стальными скобками зашивала. Нитки не держали... Прорыв блокады был в январе 1944 года. Мы идём вторым эшелоном. Наступаем. Проходили через Пулковские высоты, там бои шли тяжёлые, кровопролитные. По немецким позициям вела огонь береговая артиллерия Кронштадта и корабельная артиллерия стоявших там на рейде судов. Их калибры – это дело серьёзное. Снаряды попадали в цель с расстояния в 40 километров. Потом наши танки доделали начатое. На войне ко многому привыкаешь – к крови, к смерти. Но то, что мы увидели там, заставило содрогнуться. Случайно или нет, но кто-то отдал танкистам приказ идти прямо по укреплениям и укрыти-

ям немцев. И мы шли вторым эшелоном по полю, представлявшему собой сплошное месиво из кровавой грязи и обломков костей... Форсировали реку. Взяли город Нарву. Мы прошли чуть дальше, до железнодорожной станции, сейчас и названия её не помню. Попали под пулемётный обстрел, да всё нормально обошлось. Подобрали себе огневую позицию, расставили пушки в шахматном порядке и маскировку сделали. Расположились тогда у дороги. А дороги там были хорошие. Асфальт. А к вечеру, смотрим, в нашу сторону с горки спускается танк немецкий. Ствол длиннющий с дульным тормозом, как с набалдашником. Медленно-медленно идёт, нас не видит. Мы прижались, видим «Тигра» впервые. Под Ленинградом танков не было, там болотистая земля, им не развернуться. Наша батарея – 6 «сорокапятков». Это сила немаленькая, и поэтому у нас была надежда на благоприятный исход дела. Комбат ко мне прибежал: «Колесов, говорит, как первое орудие начнет стрелять, это и тебе сигналом будет!». Метров двести «Тигр» до нас не дошёл – первое орудие бахнуло. Первый снаряд ему в лоб – и свечой срикошетил вверх. Я ударил вниз – мой снаряд отскочил в асфальт. Тут и остальные начали жарить! А снаряды от него, как от стенки горох. Разлетаются в разные стороны. Но огонь ведём сумасшедший. В дыму всё, не видать ни зги. Когда дым начал рассеиваться, видим, стоит «Тигр», ствол длинный чуть не до земли опустил, и от него то ли пар, то ли дымок поднимается. Командир первого орудия из укрытия выскочил,

кричит мне: «Колесов, подбили!!!» Гляжу я, а у «Тигра» набалдашник этот начинает подниматься, башня поворачивается. И по первому нашему орудью – бац! Воронка... А набалдашник поворачивается уже в мою сторону... Короче говоря, подбить-то мы его подбили. Ехать он не мог, но экипаж, судя по всему, ничуть не пострадал. И как начал он нас дубасить! Все шесть пушек уничтожил... Стемнело быстро. И под покровом темноты немцы его утащили к себе на буксире. Другим танком или самоходкой. А мы поняли, в чём дело было, как он нас увидел. Пока мы не начали стрелять, маскировка работала. Мы не были заметны в снегу. А после выстрелов на белом фоне появились черные полосы пороховых газов. И все шесть орудий наших стали видны «Тигру» как на ладони... Отгремели последние залпы Великой Отечественной. А судьба Сергея Александровича оказалась переплетённой с армейской службой еще на двадцать лет. Ему, получившему офицерские погоны в грозное время, и главное, неоценимый боевой опыт, предстояло учить этому молодёжь, курсантов военных училищ уже в мирной жизни... Демобилизация и приезд в родные места. Три года работал председателем сельсовета. А так – он и плотник, и печь сложить может. И даже супруге своей платье сшить! Про таких говорят в народе – «золотые руки». А я бы добавил: и золотое сердце. Скромно живут Сергей Александрович и Валентина Фёдоровна. Годы. Недуги. Силушка уже стала не та, что прежде. Но какая чистота и открытость души, какое доброе,

подкупающее своей искренностью, гостеприимство их дома. Особая, светлая теплота, что дана лишь истинно добрым людям.

На переломе

Саня не был отъявленным сорвиголовой, но и труса никогда не праздновал. На фронт попал в 41-м, едва восемнадцать исполнилось. Пехота! Боевое крещение было почти сразу же, под Ленинградом, там же и первое ранение – осколком в плечо. Организм молодой, крепкий. Зажило быстро! Снова в войска. Смышлёного паренька начальство заприметило, особенно один случай помог. Сашка и трое его товарищей – всё, что от их роты осталось – напали на немецкий конвой, отводивший колонну захваченных в плен красноармейцев в свой тыл. Частью из винтовок постреляли, частью в рукопашном пленные помогли. Сработал эффект неожиданности! И привёл Саня к своим без малого две роты новобранцев, пороху толком не нюхавших, но зато живых и почти здоровых. Дорогой выяснилось, что их эшелон, ехавший на фронт, немцы разбомбили, а кто убежать успел – тех немчура выловила, кого смогла. В колонну построили и в тыл погнали. А пацаны только успели форму получить, оружия в руках ещё не держали... И направили Саню на командирские курсы, которые он закончил одним из лучших. Стал младшим лейтенантом. Была у него давняя мечта в танковые войска попасть, с детства к разным железкам тянуло. И чем громче мотор урчит, тем Сашке интереснее! Да вот подвёл

его собственный рост богатырский. Как почти двухметровому детине в танк залезть? И воевал Саня в пехоте... За жизнь военную к концу июля 1943 года Саня много всего повидал, к разному ужасу привык. На груди две Красных Звезды, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги". На плечах лейтенантские погоны. Два ранения, с последним пришлось месяц в госпитале промаяться. Там и познакомился с Галей. И появился у полевой почты новый адрес, куда строчил Сашка письма неустанно, как только свободное время у него было. Две строчки родителям, и два листка Галине, медсестричке тылового госпиталя. Невысокая, ладная, кареглазая "взяла в плен" доблестного лейтенанта Саню раз и навсегда! И вот лежит теперь Саня в наспех вырытом окопчике. Рядом в таких же точно укрытиях жмётся к земле-матушке его храбрый стрелковый взвод, да с пол-взвода его дружка, лейтенанта Лёшки Воронова. Того, раненного, вместе с другими бойцами в тыл утащили: сунулись было к высотке, а оттуда пулемёт хлестнул, винтовки немецкие захлопали... Теперь вот лежим и соображаем, чего дальше делать. Сколько там фрицев – неизвестно. Но высотку брать надо, а иначе дальше не пройти, вся округа с неё простреливается. Но и своих людей класть просто так не в Сашкиных правилах. В какие он раньше переделки не попадал на фронте, всегда старался с минимальными потерями решать боевые задачи. И сейчас, когда наше наступление началось, Орёл возьмём не сегодня-завтра, зачем зря гробить тех, с кем кашу из одного

котелка хлебал и с кем, бывало, последним сухарём делился? Думай, Саня, думай! Да скорее, а то гром наших орудийных раскатов уже далеко впереди слышен. Негоже и нам отставать. Наступление! Связисты провод тянут, а там из трубки капитан Сазонов рычит диким зверем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.